

The background of the cover is a dramatic, dark landscape under a stormy sky. A bright light source, possibly the sun or moon, is partially obscured by heavy, dark clouds, creating a lens flare effect. In the foreground, a simple wooden cross stands in a sandy, desolate field. A long, winding path of footprints leads from the cross towards the horizon, where a lone figure is walking away from the viewer. The overall mood is somber and contemplative.

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

УХАБЫ
СУДЬБЫ

ВСАДНИК
СМЕРТИ

Издательство
СИЛК-ПРЕСС.

2017 год

Илья Деревянко
Всадник смерти

«СИЛК-ПРЕСС»

2003

Деревянко И.

Всадник смерти / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2003

«Черная «девятка» стояла в трех метрах от крутого склона, покрытого сочной, молодой зеленью. Внизу, закованный в бетонные берега, неспешно катил свинцовые воды Канал имени Москвы. В синем небе с криками носилось несколько чаек. Накануне вечером в окрестностях пробушевала свирепая гроза, сопровождаемая затяжным ливнем, и в результате, невзирая на жаркое, с самого утра палящее солнце, от земли до сих пор веяло сыростью...»

© Деревянко И., 2003

© СИЛК-ПРЕСС, 2003

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Деревянко

Всадники смерти

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия населенных пунктов, улиц, фирм, преступных группировок, музыкальных групп, увеселительных заведений и т. д. – вымышлены. Любые совпадения случайны.

Глава I

г. Долгаводск

Московской области.

Воскресенье. 25 мая 2003 г.

Черная «девятка» стояла в трех метрах от крутого склона, покрытого сочной, молодой зеленью. Внизу, закованный в бетонные берега, неспешно катил свинцовые воды Канал имени Москвы. В синем небе с криками носилось несколько чаек. Накануне вечером в окрестностях пробуждалась свирепая гроза, сопровождаемая затяжным ливнем, и в результате, невзирая на жаркое, с самого утра палящее солнце, от земли до сих пор веяло сыростью. То там, то здесь вяло шевелились повыволзавшие из нор дождевые черви. В углублениях почвы поблескивали небольшие лужицы. Одно слово – мокреть!!! Поэтому приехавшие на «девятке» двое сорокалетних мужчин не стали располагаться на траве, а пили водку прямо в машине. Они прибыли сюда сравнительно недавно (примерно полтора часа назад), однако уже успели опорожнить две пол-литровые «Гжелки» и к настоящему моменту приканчивали третью. Нехитрая закуска – хлеб, сыр, помидоры – была разложена на газетах вдоль лобового стекла. В качестве «запивки» использовали апельсиновый сок в пакетах. В качестве посуды – пластиковые стаканчики.

Владельца «девятки» звали Петр Агафонов. Его друга – Игорь Верстаков. Оба с юных лет активно занимались бойцовскими видами спорта и внешность имели соответствующую: крепко сложенные фигуры, грубые лица, переломанные носы, многочисленные шрамы на коротко стриженных черепах... И тот и другой до поры до времени «работали» в известной московской ОПГ. (ОПГ – организованная преступная группировка.) Потом «отошли». В разное время и по разным причинам. Верстаков «завязал» добровольно, четыре года назад, из религиозных соображений. Агафонов – вынужденно и сравнительно недавно. Дело в том что группировка вдруг трансформировалась в «Хозяйствующий субъект», производя одновременно крупное сокращение штатов. Под которое Петр и угодил. Так или иначе, но сейчас наши герои являлись добропорядочными членами общества. Агафонов – таксистом. Верстаков – тренером по рукопашному бою. Ребята подружились еще в пору бандитской молодости, вместе побывали в уйме передраг и, невзирая на исчезновение связующего звена, дружбу сохранили.

Почему именно – они сами толком не знали. Может, из-за определенного сходства характеров? Впрочем – неважно!

Сегодняшний пикник состоялся по инициативе Петра, в очередной раз жестоко поссорившегося с женой и немедленно позвонившего Игорю: «Ты свободен, братан? Отлично! Давай «оттянемся» по полной, а то на душе так тошно – хоть в петлю лезь!!!»

Перекрывая крики чаек, в машине орало дурниной включенное Агафоновым радио. Наделенный от природы музыкальным слухом, Верстаков недовольно морщился. Когда в

динамике пискляво заголосили лесбиянки из группы «Ту-Ту», он, наконец, не выдержал и воскликнул в сердцах:

– Да заткни ты на фиг эту пакость! Уши вянут!

– Ишь привередливый какой, – недовольно буркнул Петр, но приемник тем не менее выключил.

– У-у-уф! – с облегчением выдохнул Игорь. – Премного благодарен!

– Вздрогнем? – деловито предложил Агафонов, вновь наполняя стаканы.

– Ну естественно, – согласился Верстаков.

С трудом протолкнув вовнутрь теплую, противную водку, друзья запили ее соком и, не вспомнив о закуске, сразу закурили по сигарете.

– Полегчало хоть капельку? – сделав четыре глубокие затяжки подряд, спросил Игорь.

– Не-ет, – медленно покачал головой Петр. – Все по-прежнему. С удовольствием бы загнал себе пулю в висок!

– Из-за твоей безмозглой курицы?

– Ошибаешься, братишка!!! – с трудом удержал слезы Агафонов. – На самом деле Валька – лишь предлог. Ну может – дополнительный стимул, а если начистоту – мне просто опротивело жить! Причем достаточно давно. Каждый вечер, ложась спать, – мечтаю не проснуться утром! Веришь?!

Верстаков кивнул.

– И меня подобные мыслишки посещают! – после долгой, напряженной паузы сознался он.

– Да что же это такое в конце концов?! – сквозь зубы простонал Петр. Лицо его исказилось, побелело. Щеки покрылись неровными, красными пятнами. На висках вздулись вены.

– Нечистая сила искушает, – угрюмо сказал Игорь. – Сознательное самоубийство – прямая дорога в ад! Вот они и стараются нас туда направить. С га-а-арантией! Без права помилования! Ведь за самоубийцу даже записку в церкви подать нельзя. Я уж не говорю об отпевании!!!..

С минуту оба молчали.

Внизу, на ленте канала, показался изящный теплоход, разукрашенный флажками и легкомысленными воздушными шариками. Верхнюю палубу заполняла празднично одетая толпа молодых людей. В центре виднелась белоснежная фата невесты. С палубы доносились обрывки магнитофонной музыки, возбужденные голоса, взрывы смеха...

– Го-о-орька!!! Го-о-орька!!! Го-о-орька!!! Го-о-орька!!! – старательно надрывался кто-то очень нетрезвый.

– Свадьбу гуляют, – кисло поморщился Агафонов. – Радуются, придурки! Веселятся... Я тоже когда-то веселился. И-ди-от!!!

– Э-э-э, дружище, хорош заливать! – впервые с начала пикника улыбнулся Верстаков. – Я ж у тебя свидетелем был! Ты, помнится, еще до загса конкретно надрался. А после, в ресторане, малость усугубил и... «поплыл». Сидел за столом, будто зомби, да в одну точку тарашился. Вокруг себя ни хрена не замечал. Какое уж тут «веселье»?!

Не став комментировать данное заявление, Петр отбросил в траву пустую водочную бутылку, достал из сумки новую и без видимого усилия сорвал пальцами пробку:

– Вздрогнем?

– Уже по семьсот пятьдесят на рыло приняли, а не берет, зараза! – проворчал Игорь. – Жаль, пива не прихватили!

– Так в чем проблема? Давай в магазин прокатимся! – предложил Агафонов.

Верстаков хотел что-то сказать в ответ, но не успел. За кустами послышались рев мотора подъехавшей машины и вскоре вслед за тем отчаянные женские рыдания.

– Глохни, сучка, прирежу! – злобно твякнул дребезжащий тенорок.

- Заткни ей пасть тряпкой, – посоветовал сиплый бас. – Трахать лучше живую!
- И то верно! – хихикнул тенорок. – Мертвые не подмахивают!

Плач сменился задушенным стоном.

– Вот ведь ублюдки. Носит же земля! – изменился в лице Игорь, легко соскочил с сиденья и бесшумной походкой тигра двинулся на звук. Пожав плечами, Петр направился за ним. На соседней поляне творилось недоброе. Около бампера кроваво-красной «Нивы» лежала юная, тонконогая блондинка с задранной до предела юбкой. Рядом валялись разорванные кружевные трусики. Чернявый толстозадый тип зажимал девушке рот скомканным чехлом от сиденья.

Второй насильник – рыжий, длинный, прыщеватый, – похотливо пыхтя, расстегивал штаны.

– Карателей вызывали? – ядовито осведомился Верстаков, врезав «рыжему» ногой в промежность. С пронзительным визгом тот сложился пополам.

– Неужто нет? – делано изумился Игорь. – Значит, с вас за ложный вызов!

Обеими ладонями по ушам и коленом в согнутую морду. Визг мгновенно оборвался. Длинное тело безжизненно скорчилось на траве. Верстаков привычно проверил пульс на шее противника: «Живой, козел!»

Между тем Агафонов занялся «задастым», метнувшимся к «Ниве» и пытавшимся дрожащими руками вытащить из «бардачка» самодельную финку.

– Не рыпайся, падла! – прошипел он, рывком за шиворот отдернул парня (данном случае это слово просто обозначает половую принадлежность подонка – [И. Д.]) от машины, впечатал спиной в раскидистый тополь и начал ожесточенно месить кулаками, словно боксерскую грушу. Мерзавец быстро лишился чувств. Голова безвольно свесилась на плечо. На губах выступила грязная пена.

– Смотри, не убей, – предупредил друга подошедший Игорь. – Только мокрухи нам не хватало!

Тяжело дыша, Петр отступил в сторону. «Задастый» мешком плюхнулся на землю. Круглая черноволосая башка гулко стукнулась о корень.

– Жить будет, – также нащупав у него пульс, удовлетворенно констатировал Верстаков. – Но в больнице месяцок «позагорает». Ничего, таким вырождакам полезно! Авось поумнеет. Хотя... вряд ли!

– А девчонка-то удрала! – с некоторой досадой заметил Агафонов. – Ни здрасьте, ни до свидания... Хоть бы «спасибо» сказала!

– Тебе это надо? – лениво зевнул Игорь.

– Нет, но все-таки...

– Брось, не забивай голову! – махнул рукой Верстаков. – Кстати, о птичках. Ты вроде по пиву предлагал?

– Точно! – оживился Петр.

– Тогда поехали...

* * *

Пять часов спустя.

– С-с-стерва! – выслушав длинную ругательную тираду встретившей его у порога жены, пробормотал Агафонов, с трудом стянул ботинки, шатаясь проковылял к себе в комнату и, не раздеваясь, рухнул на диван.

– Пьянь!!! Алкаш!!! Сволочь!!! Дегенерат чертов!!! Чтоб ты сдох!!! – продолжала бушевать в коридоре супруга – холеная, тридцатипятилетняя мадам в бриллиантовых серьгах.

– С-с-с-терва! – с чувством повторил Петр, собрался было встать да задать Валентине хорошую взбучку, но тут же передумал: «Не стоит мараться».

– Ке-ша, кис-кис-кис, – заплетаясь языком, позвал он. – Ид-ди к п-папе!

Послышалось громкое мурчание, и на живот к Агафонову с разбегу прыгнул здоровенный черный кот, некогда подобранный им на улице полуживым от голода котенком.

– Ке-е-ешенька! – слабо улыбнулся Петр, почесывая кота за ухом. – Один ты мен-ня л-любишь в этом п-п-проклятом д-доме!

– Гнусный подлец! – яростно прошептала стоящая за дверью жена, запахнула полу шелкового халатика, прошла в гостиную и, нервно тыкая пальцем кнопки, набрала номер телефона Верстаковых.

Трубку, после второго гудка, сняла жена Игоря – Татьяна (давняя приятельница Агафоновой).

– Але-е-е-е?

– Здравствуй, Танюша, здравствуй, солнышко! – серебристо прочирикала Валентина. Потом, примерно с полчаса, болтала всякую чушь и, наконец, спросила: – Твой скот давно явился?

– Минут пятнадцать назад...

– Пьяный?!

– Как свинья! Смотреть на него тошно!

– Мой паразит тоже лыка не вяжет да вдобавок хамит! – горестно вздохнула Агафопова. – Эх, Танюша, Танюша, и за какие грехи нам такое наказание?!

– Не говори! – охотно поддакнула Верстакова. – Не жизнь, а сплошной кошмар!..

Задушевная беседа о тяжелой женской доле продолжалась вплоть до глубокой ночи. Благо ни та, ни другая страдальца не работали и подниматься с утра пораньше им не было нужно...

Глава II

Понедельник 26 мая. 5 часов утра.

Пост ГАИ на въезде в Долговодск.

Недели три назад в гаишной будке подновили обшарпанные стены, а потому здесь до сих пор пованивало дешевой, долгосохнувшей краской. А также ацетоном, которым сотрудники (имевшие несчастье облокотиться об «обнову»), остервенело ругаясь, отчищали форму. Вот, собственно, и все отличия. Остальные запахи были вполне характерны для подобного рода мест: немного пыли, немного пота, немного портянок... Плюс густой, застарелый табачный угар. Обстановка же вовсе не выделялась из общего ряда, и описывать ее мы не станем.

За невымытым окном влажной серой пеленой завис промозглый рассвет. У грубого деревянного стола пристроились на табуретках двое дежурных. Их короткоствольные автоматы стояли рядом, на полу. Влажные, не до конца просохшие мундиры заставляли стражей порядка периодически поеживаться. Лица обоих выражали крайнюю степень раздражения, граничащего с отчаянием.

– Скверная ночь выдалась! – отхлебнув глоток терпкого, заваренного прямо в железной кружке «купчика» (Купчик – очень крепкий чай. Нечто промежуточное между обычным чаем и чифирем.), сказал старшина Борисов. – Дохода кот наплакал, а головной боли невпроворот!

– Что верно, то верно, – уныло подтвердил сержант Соловьев. – Сразу два козла к нам в гости пожаловали! Все нервы, на хрен, истрепали! Всю душу вымотали! А с бабками – полный облом!!!

– Ох-хо-хо! – вздохнул старшина. – Жизнь – «жистянка»... Собачья, в общем, жизнь!

Сержант тоскливо шмыгнул носом, сплюнул на пол и тоже потянулся за «купчиком»...

В эту смену напарникам хронически не везло. За время дежурства им удалось выловить и «вытрясти» лишь одного нарушителя. Причем на сравнительно скромную сумму. (Больше трехсот рублей у не прошедшего техосмотр мужика-работяги в карманах не нашлось.)

Зато неприятности сыпались, как из поганого мешка. Сперва появился то ли пьяный, то ли «обкумаренный» депутат Городского законодательного собрания господин Иудушкин, врезался на «Мерседесе» в придорожное дерево и учинил подбежавшим гаишникам дикий скандал: «Почему не предотвратили аварию, дармоеды?! Филоните?! Нюх потеряли?! Я вам покажу кузькину мать! Сгною! Изничтожу!! В землю втопчу!!!»

Помимо депутатского мандата Иудушкин владел в Долговодске целой сетью магазинов, тремя кафе, двумя пунктами обмена валюты, а также ночным клубом «Содом». И, главное, имел тесные «завязки» с местным милицейским начальством!

В результате Борисову с Соловьевым пришлось, стоя навывтяжку, слезно оправдываться перед распоясавшимся хамом: «Простите, Василий Андреевич! Не доглядели! Больше не повторится!»

– Не-е-ет!!! – смачно рыгая, не унимался депутат. – В-врете, с-сучары! Вы с-специально тут д-дерево в-в-рыли!!!

Выволочка продолжалась около сорока минут. Пока Иудушкин изгалялся над несчастными гаишниками, мимо них проскочило не менее полутора десятков хороших автомобилей, на которых разве что не было написано: «Дам на лапу без базара!»

Однако отойти от господина депутата и заняться делом старшина с сержантом не могли. Короче – испортил малину, змей подколодный!!!

Едва он убрался восвояси, как подрулил на замызганной «восьмере» капитан Спиногрызов из Отдела внутренних расследований, демонстративно нарушил правила, затормо-

зил и с постным видом стал дожидаться, когда у него начнут вымогать взятку. По счастью, Борисов знал капитана в лицо (друг-сослуживец показал фотографию), и напарники на провокацию не поддались. Правда, Спиногрызов долго не желал признавать поражения и мурыжил обоих битый час. А потом, после его отъезда, внезапно хлынул проливной дождь. В миг промокшим стражам порядка пришлось спешно покинуть засаду в полукилометре от поста и, несолоно хлебавши, вернуться в будку. Там они заварили упоминавшийся «купчик», грелись у электропечки да жаловались друг другу на судьбу-злодейку...

– Не иначе черная полоса в жизни пошла! – продолжал вздыхать Борисов. – Мама родная! Знал бы заранее – в отпуск отпросился. Уехал бы к брату в деревню, пил спокойно самогоночку. Рыбку бы ловил!

– Но, может, хоть сейчас, под конец смены подфартит? – робко предположил Соловьев.

– Наивный ты сюсенок! Абсолютно зеленый! – скорбно усмехнулся седоусый старшина. – Шиш с маслом нам подфартит! Черная полоса – это надолго. По опыту знаю. Смотри, как бы чего похуже не стряслось!!!

Борисов словно в воду глядел. Буквально через несколько минут снаружи послышались надрывные стоны, невнятное бормотание и тяжелые, спотыкающиеся шаги. Старшина проворно схватил автомат, а слабонервный сержант, выскочив из-за стола, забился в угол. Спустя еще пару секунд незапертая дверь со скрипом отворилась. На пороге возник человек ужасающего вида: голый, с ног до головы залитый кровью, с отрезанными ушами, со зверски располосованным лицом и вспоротым животом.

– Маньяки!.. Капюшоны!.. Чертова ведьма! – придерживая ладонью вываливающиеся внутренности, прохрипел он, уронил изо рта сгусток крови, пошатнулся и рухнул головой вперед, сбив оставленную Соловьевым табуретку.

– Вот те и дождались! – ошеломленно прошептал Борисов. – Вот ведь, блин, накаркал!..

И, опомнившись, заорал на лязгающего зубами сержанта:

– Звони, болван! «Скорую» вызывай! Ребят из отделения!!!

* * *

9 часов 45 минут.

Долговодское ОВД.

Майор юстиции Дмитрий Белогорцев вышел от Руководства в преотвратительном расположении духа. Фактически на грани нервного срыва. Обычно бледные щеки майора побагровели, губы стиснулись в узкую полоску, в голубых глазах вспыхивали злые искры.

На утреннем «разводе» Белогорцеву поручили отыскать загадочные «капюшоны» вкупе с «чертовой ведьмой», и он пребывал в железной уверенности: его сознательно подставляют в отместку за былую дружбу с опальным капитаном Сечкиным, рассчитывают макнуть носом в дерьмо, выставить профнепригодным. Дельце-то явнодохлое!

«Твари ползучие! Лицемеры проклятые! – быстро шагая по извилистому коридору, кипел Дмитрий. – «Мы тебе доверяем и ожидаем скорых результатов»... Ага! Верно! Вот только не положительных результатов по делу вы ожидаете, а моего позорного провала. Пи-до-ра-сы!!! Подсунули заведомый висяк (Висяк (или глухарь) – на милицейском жаргоне означает преступление, не поддающееся раскрытию. По крайней мере, в обозримом будущем.). Потерпевший скончался в реанимации, не приходя в сознание... Мотивы непонятны... Свидетелей нет... Единственная «зацепка» – бред умирающего человека. Сто пудов – галлюцинаторного происхождения, не относящийся к составу преступления! Ищи, называется, ветра в поле!!!»

Подойдя к своему кабинету, майор споткнулся на ровном месте, громко выругался и вдруг заметил двоих гаишников, переминающихся у дверей с ноги на ногу: одного пожилого, с пышными усами, другого – юного, лет двадцати, с круглым напуганным лицом.

«Наверное, те, с поста! – догадался Белогорцев. – Но откуда они взялись? Я же никого не вызывал!»

– Разрешите обратиться, товарищ майор? – заметно нервничая, проямлил «пожилой».

– Обращайтесь! – хмуро буркнул Дмитрий.

– Я старшина... э-э-э... Борисов, а он – сержант Соловьев, – запинаясь, начал гаишник. – Дежурный... э-э-э... сказал, что расследование обязательно поручат вам. Как наиболее квалифицированному специалисту...

«Все Отделение в курсе моих проблем с начальством! – стиснул зубы Белогорцев. – И вдобавок издеваются, собаки!» Наиболее квалифицированным» величают. У-у-ух, ненавижу!!!»

– Мы по поводу сегодняшнего происшествия. У нас... э-э-э... в будке, – продолжал между тем старшина, – видите ли... э-э-э... В общем, оперативно-следственная группа кое-чего упустила при осмотре, да и мы лишь случайно обнаружили... Вот, взгляните! – Борисов протянул на заскорузлой ладони маленькую золотую сережку причудливой формы. – Закапталась в щель между половицами под столом, – виновато пояснил он. – Вероятно, из руки пострадавшего выпала!

Майор ощутил сладостный, стремительно нарастающий жар в груди. Неужто повезло?!

Неужто милостивая Судьба преподнесла ему в тяжелый час роскошный подарок в виде чудом объявившейся УЛИКИ? Господи! Только бы не ошибиться! Только бы это не оказалось пустышкой!!!

– Зайдите оба ко мне в кабинет! – осевшим голосом приказал он и, по причине лихорадочной дрожи в руках, долго не мог отпереть простенький замок...

* * *

После беседы с известными читателю гаишниками и в особенности после изучения принесенного ими вещдока опер Белогорцев здорово повеселел, просветлел лицом и широко расправил плечи. Подсунутое зловерным Руководством дело перестало казаться «дохлым висяком». Появились «ниточки». Причем довольно перспективные! Итак: на застёжке сохранилось бурое пятнышко засохшей крови. Очевидно, серьгу вырвали с мясом, в процессе ожесточенной борьбы. Если допустить, что она принадлежала женщине, то становится ясным – пострадавший назвал «чертовой ведьмой» преступницу, непосредственно участвовавшую в убийстве. «Гм. Да тут, пожалуй, можно и без «если допустить», – внимательно рассматривая странной формы кусочек желтого металла, подумал майор. – Вещичка явно дамская! Или педик? Нет!!! Эта финтифлюшка плюс «чертова ведьма» достаточно весомые аргументы в пользу женской версии! А по поводу бреда – ошибочка вышла. Спасибо тебе, мужик, что не галлюцинировал на пороге Смерти. Не вводил следствие в заблуждение!»

Добросовестно задокументировав находку, сняв показания и отпустив старшину с сержантом, Дмитрий продолжил размышления. Общая их суть сводилась к следующему: по словам свидетелей, потерпевший – мужчина высокого роста, атлетического телосложения. Вряд ли баба могла расправиться в одиночку с таким буйволом. Получается, нападавших было минимум двое, а «чертова ведьма», возможно, играла роль приманки.

Теперь «капюшоны». Если реальна «ведьма», то реальны и они! Похоже на какой-то дьявольский ритуал. На подобную мысль наводит и изуверский характер телесных повре-

ждений. Значит, надо искать среди сектантов. В числе главных подозреваемых – особа женского пола с недавно поврежденным ухом. Неплохо для начала!

Совсем неплохо!!!

В районе полудня, окрыленный первым успехом, Белогорцев решил навеститься в городскую больницу, расположенную в нескольких минутах ходьбы от Отделения. Необходимо лично взглянуть на труп. Авось всплывет чего-нибудь новое?!

В больничном морге майора ожидал сногшибательный сюрприз. Тела пострадавшего там не оказалось!!!

– Пациент жив, – с некоторой обидой в голосе сообщил Дмитрию главврач. – Находится в реанимации. Состояние, конечно, крайне тяжелое, но у нас работают высококлассные специалисты! А вам дали неверную информацию...

Опер затрепетал от радости. «Облапошилось начальство! В лужу село! Подставить хотели, уроды моральные?! Нате-ка, выкусите! Мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним!!!»

Глава III

Игорь Верстаков

В понедельник я проснулся на рассвете с больной головой, пересохшей глоткой, весь мокрый от пота. Дыхание со свистом вырывалось из груди, по коже ползали мурашки озноба. Усевшись на постели, я затравленно огляделся, убедился, что нахожусь дома, в своей комнате, с облегчением перекрестился, схватил графин с водой и надолго припал губами к узкому горлышку. Ночной кошмар быстро терял очертания, проваливался в небытие. Спустя мгновение я напрочь забыл виденное во сне. Осталось лишь ощущение глубокого внутреннего дискомфорта. А также – щемящее предчувствие надвигающейся беды.

«С перепоя вечно разная пакость мерещится! Не стоит придавать значения!» – мысленно утешил я себя. Однако не помогло. Ледяная паутина страха продолжала опутывать сердце. Тяжело вздохнув, я встал с кровати, отыскал в ящике письменного стола упаковку феназепама, проглотил три таблетки, запил водой, опустил обратно на скомканную простыню и прикурил сигарету.

Из распахнутого настежь окна тянуло утренней свежестью. Во дворе, в зеленых кронах деревьев, хрустальными голосами переговаривались птицы. Над горизонтом медленно поднимался золотой диск солнца. На соседней улице прогремел по асфальту ранний грузовик... По мере того как транквилизатор впитывался в кровь, я успокаивался. Озноб постепенно исчез, дыхание выровнялось. Нервное напряжение сменилось умиротворяющей сонливостью. «Сегодня нужно провести две тренировки. Одну в двенадцать, другую в три часа. Особо разлеживаться нельзя», – с ленивой досадой вспомнил я, завел будильник на девять утра, затушил окурок в пепельнице, закрыл глаза и... неожиданно очутился посреди безжизненной равнины, покрытой обломками черных скал. В низком, сумрачном небе часто вспыхивали сиреневые молнии.

Над самой землей плавали ошметки призрачного, голубоватого тумана. Вдалеке, на краю равнины, виднелся ярко-красный горный хребет, а рядом, буквально в двух шагах, стоял омерзительный демон с собачьей мордой. На макушке адского создания торчали осклизлые рога, из мохнатой пасти текла густая, бурая слюна. Шелудивый хвост выписывал в воздухе причудливые вензеля. При виде меня урод злобно оскалится. «Думаешь, отделался от нас, ничтожный человечико?! – оглушительно проревел он. – Думаешь, забыл недавний сон, и все?! Ну не-е-ет, смертный! Ни черта не получится! Ща-а-ас мы тебе напомним кой-чего!!!»

Демон взмахнул безобразной лапой. Грянул гром, горный хребет изогнулся, словно живой, обрывки тумана закружились в сумасшедшем танце. Почва под ногами затряслась, затем разверзлась, и я провалился в громадную пещеру, залитую мерцающим фиолетовым светом. Пол покрывал толстый слой свернувшейся крови, по стенам ползали гигантские пауки с человеческими головами. Под потолком, пронзительно пища, носилась стая летучих мышей. Удушливо пахло сероводородом. Неподалеку, с утробным рыком, вновь материализовался рогатый урод.

– Ты, мальчишка, стал плохо себя вести! – клацая желтыми клыками, продолжил он. – Добровольно покинул Бригаду, начал регулярно ходить в церковь да еще дружка – Петьку от самоубийства отговариваешь. Ух, тварь двуногая!!! – Рожа беса страшно исказилась, а рев трансформировался в змеиное шипение. – Не обольща-а-а-йся! Мы тебя-я-я не вы-ы-ыпу-у-ус-с-стим! Ты на-а-аш!!! Поклони-и-ись-сь-сь мне! Не-ме-е-е-едленно!

– Ну уж нет! – преодолев мистический страх, решительно возразил я. – Перебьешься, нечисть!

– Ах, так?! Перечить посмел?! Сопровищаешься?! – взвилось на дыбы исчадие ада. – Ну ладненько! Значит, будешь принесен в жертву!!!

От ближайшей стены отделились несколько фигур в темных одеждах и, не касаясь пола, поплыли в мою сторону. Каждая сжимала в руке острый, окровавленный нож.

– Взять его! – повелительно рявкнул демон.

С душераздирающим визгом дьявольские отродья набросились на меня и усердно замахали ножами. Тело сразу во многих местах пронзила мучительная боль.

– Господи Иисусе! Помоги!!! – отчаянно закричал я. Фигуры дрогнули, заколебались и растаяли в смрадном воздухе. Вслед за ним исчез рогатый урод.

Визг, однако, не прекратился.

– Окаянный пьяница! Поспать нормально не даст! – добавил к нему сердитый женский голос.

С натугой разлепив веки, я понял, что визг исходит от будильника, а ругань – от моей жены Татьяны: заспанной, недовольной, облаченной в полупрозрачную комбинацию с рюшечками.

– Чего разорался как резаный? – протирая глаза ладошкой, недружелюбно осведомилась она.

– Сон... плохой... привиделся, – морщась, просипел я.

– Оно неудивительно. Скоро вообще до белой горячки допьешься. Чертей по квартире гонять начнешь! – нравоучительно выдала супруга и удалилась, покачивая бедрами.

Переведя дыхание, я отхлебнул глоток воды, спустил ноги на пол и на минуту задумался. Как ни странно, но попреки жены в определенной степени меня успокоили. Наверное, Таня права. И первый кошмар, не запомнившийся, и второй, до жути реалистичный, – заурядные последствия злоупотребления алкоголем, а отнюдь не вещие сны! Сколько мы с Петькой вчера вылакали? Гм! Если считать вместе с пивом, то не менее ведра на брата. В сорок лет подобные загулы даром не проходят! Здоровьице-то того, изрядно растрянжиренное...

«Пора завязывать с пьянкой!» – в конце концов решил я, с кряхтением поднялся и направился в ванную. Приводить себя в порядок...

* * *

– Саша, не лезь на рожон... А ты, Витя, наоборот! Будь активнее! Доставай противника!.. Армен, не убегай от него как заяц. Смотреть тошно! Отходить исключительно вбок, по кругу, и тут же контратака. Во-от! Другое дело!.. Сеня, Валера, чего вы размахались ногами по воздуху? Дурацких фильмов насмотрелись? Руки подключайте! Без них бой не выиграть. Я кому сказал?! То-то же!.. Что, Санек, схлопотал по носу? Тебя же предупреждали – «не забывай о защите»! Ладно, впредь будешь умнее...

Пацаны работали парами (в боксерских перчатках и войлочных путах (Путы – специальные «накладки» на ноги.)), а я, прохаживаясь вдоль зала, делал им замечания. Наручные часы показывали половину шестого вечера. Тренировка второй юношеской группы близилась к завершению. «Слава Богу, заканчиваем! – устало думал я. – После спаррингов потренируем приемы против ножа, и все! Отдых!!! Отмокну дома в горячей ванне, потаращусь в телевизор, да на боковую. А завтра – снова сюда. С утра пораньше. Н-да уж! Не потопаешь, не полопаешь!»

Мой еженедельный рабочий график был уплотнен до предела. Две юношеские группы (понедельник – среда – пятница), три взрослые (вторник – четверг – суббота). Кроме того, по средам и четвергам индивидуальные занятия за особую плату. В общей сложности около ста учеников. Только так удавалось сводить концы с концами. Вопреки заверениям Прави-

тельства, цены в магазинах неуклонно росли, да и аренда спортивного помещения обходилась в кругленькую сумму. Снизится количество занимающихся хотя бы на треть, и амба! Моментально вылетишь в трубу. Правда, в ближайшей перспективе это мне не грозило. От желающих записаться в секцию буквально отбоя не было. Я преподавал профессиональный вариант кикбоксинга с добавлением элементов тайбокса (удары коленями, локтями), а также обучал подопечных некоторым приемам боевого самбо: против ножа, палки, удушающих захватов и т. д. После ухода из ОПГ во мне неожиданно прорезалась педагогическая жилка, и дело быстро пошло на лад. Я ухитрялся выковырывать неплохих бойцов даже из самых на первый взгляд безнадежных увальней. А после того, как двое моих семнадцатилетних воспитанников в легкую расправились с агрессивной сворой рыночных джигитов, слухи о «крутом тренере» разнеслись далеко за пределы города. В результате, кроме местных, к нам в зал потянулись ребята из Москвы и Московской области...

– Закончили спарринг, сняли перчатки, разобрали деревянные ножи, – покосившись на часы, скомандовал я. – Переходим к прикладному разделу. Сегодня будем отрабатывать...

Мою речь прервали вялые, насмешливые аплодисменты. В дверях зала стоял шифу (Шифу – в переводе с китайского означает Учитель.) ушуистов Лев Радзинский – тридцатипятилетний, абсолютно лысый субъект с жидкой, остrokонечной бороденкой на подбородке. Как водится, в сопровождении почетного эскорта. Свиту «Учителя» составляли: смазливая, но чем-то неприятная брюнетка и два здоровенных бугая с мертвыми глазами зомби.

– Чего приперся? – хмуро спросил я. – Тебя в гости не приглашали! Или ты настолько «продвинут», что позабыл о приличиях?!

С Радзинским мы познакомились случайно, примерно полтора года назад, и с тех пор шифу Лева вызывал у меня глубокую, устойчивую неприязнь. Но отнюдь не в качестве конкурента! Просто в своей секции он пудрил мозги учеников различной оккультной дрянью, активно практиковал медитацию, выходы в астрал и т. д. и т. п.

Естественно, я как православный человек не мог относиться с симпатией к подобным вещам...

Моя реплика явно обозлила Радзинского. Физиономия шифу покраснела, глаза сузились, бороденка затряслась. Тем не менее Лева попытался сохранить имидж невозмутимого восточного мастера.

– Ты грубый, неотесанный тип, – павлиньим голосом произнес он. – Тебе никогда не постигнуть сущность ки¹, не осознать процессы Вселенной...

– Где уж нам уж! – иронически прищурился я. – Мы люди темные, от сохи! А не выдаем японские термины за китайские исключительно по скудоумию!

На сей раз Радзинский аж задохнулся в бешеной ярости. Благовоспитанная личина бесследно исчезла. В блеклых глазах вспыхнула животная злоба.

– Я пришел к тебе с деловым предложением, но теперь нам вряд ли удастся найти общий язык! – перекосившись, прошипел он.

– Ну и проваливай отсюда, – равнодушно ответил я.

Внезапно неприятная брюнетка, склонившись к уху наставника, шепнула несколько слов. Лева заметно приободрился, выпятил грудь и изрек с пафосом:

– Хамов надо учить уму-разуму. Мы готовы наглядно продемонстрировать подавляющее превосходство духовно-утонченного стиля «Саньда» над вашим быдловским мордобоем. Выставляй любого из своих учеников против этой хрупкой девушки. И она, уверяю, разделается с ним играючи. Максимум за один раунд! Ставлю на кон пятьсот долларов!!!

– Перебьешься, – лаконично отрезал я.

¹ Ки – в переводе с японского означает Универсальная Жизненная Сила.

– Ага-а! Испугался! – возликовал Радзинский. – Опасаешься сокрушительного провала!!!

– Ничего подобного! – фыркнул я. – Проблема в другом. Ты, конечно, не в курсе, но в отличие от вас, «доблестных» ушуистов, мои парни с бабами на ринг не выходят. Не то воспитание. Впрочем... Если ты жаждешь денежной ставки, то сделай ее! На самого себя. Против меня. Или слабо?

– Не-е-ет!!! – хищно ощерился Лева, сбрасывая пиджак. – Не слабо! Я с величайшим наслаждением вышибу из тебя дух!!!

Ребята взволнованно загалдели, отодвигаясь к стенам и освобождая место для поединка.

– По каким правилам будем биться? – выйдя на середину зала, поинтересовался я.

Ничего не ответив, Радзинский попытался провести удар ногой в пах. «Значит, без правил», – защитившись подставкой колена, мысленно констатировал я, отбил в сторону нацеленный в переносицу кулак и, шагнув вперед, вlepил ему раскрытой ладонью по барабанной перепонке. Лева отпрянул назад, ошалело тряс головой. Не давая опомниться, я «достал» противника носком кроссовки в ребра, сорвал дистанцию, схватил за бороденку и специальным приемом впечатал затылком в пол. Радзинский потерял сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.